

ОГНЕННАЯ

деревня

ЗИНЯКИ

Деревня в Остринском сельсовете. Известна с 16 в. В 1558 г. село Зиняковичи Новодворского двора Гродненской королевской экономии, в 1738 г. деревня Зиняки Остринского староства Лидского повета. После 3-го раздела Речи Посполитой с 1795 г. в Российской империи, позже в Лидском уезде Виленской губернии, с 1860-х гг. в Дубичской волости. В сентябре 1915 г. оккупирована германскими войсками. В апреле 1919 г. занята польскими войсками, в июле—сентябре 1920 г. — Красной Армией. С марта 1921 г. в составе Польши, в Дембровской гмине Лидского, затем Щучинского поветов Новогрудского воеводства. С осени 1939 г. в составе БССР. С 4.12.1939 г. в Барановичской области, с 15.1.1940 г. в Василишковском районе, с 12.10.1940 г. в Нарошском сельсовете. На 1.1.1941 г. 81 двор, 420 жителей. В Великую Отечественную войну в конце июня 1941 г. деревня оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. 21.1.1944 г. гитлеровцы сожгли 82 двора, убили 419 местных жителей и 65 жителей других деревень. На фронтах погибли 13 жителей деревни. С 1944 г. в Гродненской области. После войны восстановлена. С 1960 г. в Щучинском районе (в 1962—65 гг. в Скидельском районе). С 1974 г. в Остринском поселковом Совете, с 2013 г. в Остринском сельсовете. В 2004 г. открыт мемориал «Жертвам фашизма».

22 января 1944 года за связь с партизанами фашисты сожгли деревню Зиняки Щучинского района вместе с ее жителями. В огне и от пуль карателей тогда погибли **419** зиняковцев и **65** жителей других деревень.

Беда пришла сюда ранним январским утром 1944 года.

В мирные планы местных жителей вмешались оккупанты. Накануне ночью они окружили населённый пункт, перевернули каждый дом в поисках партизан. Расправа была жестокой. На рассвете фашисты согнали всех жителей деревни в две группы, группу мужчин и женщин с детьми. Зверства фашистов начались с детей, которых расстреливали на глазах у родителей. Потом группу мужчин погнали в одно из гумен, женщин – в другое. Гумна были облиты бензином и подожжены. Не ограничиваясь этим, изверги открыли ружейно-пулеметный огонь по стенам горящих построек. Общее количество расстрелянных и сожженных составило 484 человека. Каратели сгрузили на телеги все ценное, что нашли, согнали скот, а потом подожгли дома, которые уже к полудню превратились в пепелище.

«Ночью до 500 немцев внезапно окружили деревню Зиняки и сожгли всю деревню вместе с людьми. Впоследствии было выяснено, что предал деревню, которая оказывала всевозможную помощь партизанам, солтыс этой же деревни. Кроме того, немцы не могли забыть и того факта, что у этой деревни был бой с соединением генерала-майора Капусты и они потерпели поражение. Уничтожение деревни Зиняки не запугало местное население, на что рассчитывали немцы, а наоборот еще больше обострило ненависть к фашистам и послужило толчком к еще большему расширению партизанского движения...»

*Из истории партизанской бригады
имени Ленинского Комсомола*

СУДЬБЫ ОЧЕВИДЦЕВ ТРАГЕДИИ. ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ.

Из воспоминаний Николая Ивановича Журуна (2009 г.):

«Мне тогда было всего двенадцать лет, но детская память сохранила страшные картины того ужасного дня.

...Тревожное утро. На деревенской улице гремят повозки. Из дома в дом сную немцы. Мы хоть и были совсем малые, но понимали: что-то не то здесь происходит, видели немое отчаяние в глазах родителей. Взрослые все же пытаются нас успокоить, с каким-то напряжением заставляют себя заниматься привычными сельскими делами. Отец пошел кормить корову. Мать растопила печь, собиралась готовить завтрак. И вдруг...стук в дверь. В дом вошли солтыс и немецкие офицеры.

- Где твой хозяин? – спрашивают у мамы.

- В сарае.

- Скажи ему, пускай запрягает лошадь – повезет нас, - дает распоряжение солтыс.

Мать смотрит на него напряженно-осторожным нервным взглядом, кажется, в самую душу проникающим и отваживается на главный вопрос:

- А что с нами будет?

Солтыс отводит взгляд и тихо говорит:

- Плохо будет...Убивать вас будут...Деревня окружена...

Больше наша семья уже никогда не собралась вместе. После того, как отец повез на повозке фашистов, мама поцеловала каждого из нас и со слезами признала горькую правду:

- Детки, не смотрите за мной. Убегайте, прячьтесь. Может хоть кто-то останется в живых.

**Н. Журун с учащимися Остринской СШ,
посетившими д. Зиняки во время экспедиции**

Сестра побежала к дяде в деревню Нароши. Но, видимо, нарвалась на засаду, потому что в живых ее не оказалось. Я же спрятался под крышу соседнего дома. Слышал, как гнали людей, как плакали дети и кричали женщины. От страха я себя не помню. Может час сидел, может и больше. Душу раздирали автоматные очереди, озверелые крики фашистов. Потом как-то все утихло, улеглось, и я решился вылезти из своего укрытия. Метров двести отошел и вижу – обвалились крыши. Сожгли звери нашу деревню.

На отшибе стояло гумно. Я туда спрятался, зарылся в люпин. Потом надумал податься в лес. Уже почти дошел, но немцы заметили меня, начали стрелять. Убегал, кувыркаясь, чтобы не попала пуля.

Сам не знаю, что управляло мной, откуда силы брались. Наверное, Бог хранил... К лесу все же добежал. А туда фашисты не пошли, побоялись.

Отец мой тоже остался в живых. Когда отвез в Новый Двор немцев, солтыс не отпустил его назад, в Зиняки. Сказал: «Оставайся здесь, у меня, потому что с вашей деревни мало кто выживет». Так оно и случилось. Все наши родственники погибли в огне. Да разве я один такой? Здесь в каждый дом войди, и во всех найдутся люди, которые безвинно потерпели, У которых родные страшную смерть в огне приняли. Нелегко жить с такой ношей на сердце. Да и с того времени не могу смотреть фильмы о войне, потому что воспоминания рвут душу на куски».

В одном из монологов прозвучала такая фраза: «На войне только первый день страшный, а потом человек становится деревянным». От этих слов стало не по себе. Но, наверное, только в таком состоянии, когда душа уже не выплескивает ни эмоций, ни слез, можно было смотреть на все, что происходит вокруг на родной земле, мириться с утратой близких и родных людей. Скажите, хватило бы слез юному **Александру Куцу**, чтобы выплакать свое горе? В тот день, 22 января 1944 года, у него не стало родителей. Вместе с отцом и матерью погибли в огне и семеро родственников, которые приехали к ним из деревни Сухари погостить. Саша вместе со своими тремя сестрами спрятались в погребе – укрытии, которое было выкопано под сараем. Больше суток просидели они там. Хотелось воды, было жарко. Фашисты подожгли сарай, и в укрытии было невозможно дышать. Саша выбил несколько досок, девочки сквозь отверстия хватили ртом горячий воздух... Сестрам Куц дали приют в Пилипповцах чужие люди, а Александр ушел сначала в партизаны, а потом на фронт. Воевал на втором Белорусском. Награжден медалями «За взятие Варшавы», «За победу над Германией», «За отвагу». Войну закончил на Балтике, под городом Ростов. Понимал Александр, что не ждет его родной дом, родители, что нет даже их могил, но притягивала юношу родная осиротевшая земля.

Хотелось увидеть сестер, людей, которые остались в живых. Вернулся в деревню, поселился в старом свиране - дом и сарай вместе. Тогда все так жили, кто вернулся в деревню. В 1948 году женился на Ольге, девушке, которая тоже осталась сиротой. В 1943 году Ольгу вывезли в Германию, через год вернулась – стоит посреди пепелища, совсем одна... Четыре Ольгины сестры, два брата, мать и отец погибли в Зиняках 22 января 1944 года.

Похожая история и еще у одного жителя Зиняков – **Ивана Дмитриевича Поливки**.

Вот что он рассказывал:

- Утром отец со своим сводным братом поехали к мельнице. У нас тогда была в гостях 12-летняя сводная сестра со своей бабушкой из соседней деревни. Вот мама пошла на улицу за водой, вдруг вбегает вся бледная: «Фашисты в деревне! Все, погибнем! Что же делать? Прячьтесь в погреб!»

Не знаю, что управляло мной, но закричал: «Не полезу! Надо убежать скорее!» Схватил маму за руку, девочку и силой вывел из дома. Бабушка девочки не согласилась идти с нами, осталась. Там и погибла. А мы огородами перебрались к лесу. Слава Богу, спаслись. Пришли в Карпановцы, а потом к сестре отца в Пилиповцы. Когда пошел воевать, думал: за все отомщу врагам. Польские города брал – Гдыню, Гданск. Но и тут

не везло: дважды получил тяжелые ранения...

- Жили мы на хуторе, около леса. У родителей нас было двое – я и сестричка шести лет, с нами жили еще тетя и бабушка. Накануне того страшного события ничто не предсказывало беду: мама занималась домашним хозяйством, папа пошел проведать свою сестру в соседнюю деревню. Мне тогда уже исполнилось четырнадцать лет, я была как нянька – маленькая сестричка приболела. Тут вошли в дом партизаны: «Скоро придут фашисты. Наверно, беда будет, потому что фурманки во всех деревнях заказаны, а в Зиняках нет. Прячьтесь, детки, спасайтесь!»

Меня охватил ужас. Тут мама прибежала. Собрались мы быстренько, и пошли из дома. На улице уже светало. Мы зашли за свой сарай и, нагибаясь, вышли к лесу. Слышим немецкую речь, лай собак. Мы упали на землю, испуганные, поняли – фашисты окружают деревню.

Немного осмотрелись и подались в глубь леса. Спрятались в заброшенном домике, сидели долго. Тогда мам пошла разведать, куда можно идти, нет ли фашистов. Я в маленькое окошко смотрела. Вижу: мама уже далеко зашла, и вдруг два немца вышли из леса. Откуда они взялись? И к маме? Один немец автомат наставил... Я онемела, сестренку к себе прижала, смотрю. Второй что-то сказал, отвел дуло автомата. Они повернулись и пошли от мамы. Не понимаю, почему они ушли, как оставили маму в живых? Наверное, и фашисты бывают разные...

Я схватила больную сестру и быстрее убежать через окно, дальше в лес. Невозможно рассказать, как мы мучились, что пережили. Ходили по деревням, просили, чтобы нас приютили. Люди боялись в дом пускать, и их можно понять. Одна женщина приняла, чаем напоила. Так и скитались по домам. Я хозяевам всякую работу делала, пасла коз, овечек...

После войны вернулись в Зиняки, нам дали старый свиран, мы его отстроили и жили. Так делали многие сельчане.

Еще один человек, которому судьбой было предначертано выжить, это **Михаил Иосифович Журун**. В тот день он ночевал не дома, а у сестры в деревне Карпановцы. Хотя и там было беспокойно: пошла молва, что по всем деревням немцы фурманки собрали. «Значит, карательный поход против Зиняков задумали», - решили местные крестьяне. Миша хотел бежать, чтобы предупредить, но сестра на шею бросилась, плакала умоляла:

- Не ходи туда! Никого не спасешь, а сам погибнешь...

Потом все-таки не выдержал – побежал. Но уже было поздно. Издалека видел, как немцы подошли к его дому, погнали родителей, сестру, семилетнего племянника. Скот наш забрали, кур ловили. Прежде чем сжечь деревню, фашисты весь нехитрый крестьянский пожиток погрузили на заранее подготовленные повозки. Некоторые люди пытались откупиться от смерти. У Ивана Шелешки были красивые золотые часы. Он предлагал их немцам взамен на то, чтобы отпустили. Часы фашисты взяли, а человека

убили. Что говорить, звери...

В час дня дом Михаила Иосифовича запылал. А людей согнанных в гумно, подожгли с четырех сторон. Кто пытался убежать – в тех стреляли. Словами не передать, что в эти часы пережил Михаил Журун. Наверное, такую же сильную боль, как и мученики в огне...

Как же дальше сложилась судьба Михаила Иосифовича? Долго прятался в лесу. Потом нашел партизан. Много всего в жизни случилось. Столько раз был на волоске от смерти. После освобождения Щучинского района от оккупантов 18-летний юноша пошел в армию. Воевал в 408 полку 1-й Брестской дивизии 70-й армии 2-го Белорусского фронта. Участвовал в формировании Вислы. В январе 1945 года молодой солдат был тяжело ранен. После лечения в госпитале демобилизовался инвалидом 2-й группы. Удостоен нескольких наград, в том числе и медали «За отвагу». До сих пор Михаил Иосифович тяжело вспоминает те события, болезненно ноет старая рана, в глазах стоит адское пламя, что захватило многострадальную деревеньку...(2009 г.)

Щучинский район Гродненской области

Название населенного пункта	Количество накануне войны		Количество уничтоженных		Дата сожжения
	дворов	жителей	дворов	жителей	
Зиняки	86	498	82	484	январь 1944 г.
Огородище	28	153	28	148	февраль 1943 г.

**Акт о сожжении немецко-фашистскими оккупантами деревень
Зиняки и Якубовичи Василишковского района и убийстве их жителей
5 февраля 1944 г.**

5 февраля 1944 года комиссия по учету немецко-фашистских злодеяний при Радунском РПК в составе председателя комиссии — члена райкома Романенко Филиппа Анисимовича, секретаря Торина Владимира и членов Михалева Михаила, Ершова Николая, Родик Франка, составили настоящий акт в следующем, что с 1 января 1944 г. по 1 февраля 1944 г. немецко-фашистскими извергами совершены следующие злодеяния по Василиш[ков]скому району:

1. 22 января 1944 г. сожжена деревня Зиняки Новодворского с/с, сожжено 80 дворов вместе с населением, где насчитывается 406 человек.
2. 28 января 1944 г. [в] дер. Якубовичи Новодворского с/с расстреляно 4 человека.

Председатель комиссии Романенко,
Секретарь Торин, Члены Михалев, Родик, Ершов

Резолюция: Будько. Может надо использовать в печати. Платон.

НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 25. Л. 6. Заверенная копия.

Из воспоминаний спасенных
деревни Зиняки М. Журуна

Видаць мне было лёсам наканавана выжыць. Я ў той дзень начаваў у сястры ў в. Карпанаўцы. І там было неспакойна: папаўзлі чуткі, што па ўсіх вёсках, акрамя Зінякоў, немцы фурманкі сабралі. «Значыць карніцкі паход супраць Зінякоў задумалі», — вырашылі мясцовыя сяляне. Я хацеў бегчы, каб папярэдзіць, але сястра не пусціла.

Потым усё ж не выцерпеў — пабет. Толькі позна ўжо было. Здалёк бачыў, як да нашай хаты немцы падышлі — 19 налічыў. Пагналі бацьку, маці, сямігадовага пляменніка. Жывёлу нашу забралі, курэй лавілі. Перш чым вёску падпаліць, увесь сялянскі пажытак пагрузілі на загадзя падрыхтаваныя фурманкі. Хто-ніхто імкнуўся адкупіцца ад смерці. У Івана Шалешкі быў прыгожы залаты гадзіннік, які ён прапанаваў немцам, каб адпусцілі. Гадзіннік фашысты ўзялі, а яго забілі.

У гадзіну дня наша хата запалала. Людзей палілі ў чатырох месцах. Хто імкнуўся ўцячы — у таго стралялі. Не пераказаць, што я ў тыя гадзіны перажыў. Потым доўга хаваўся ў лесе, знайшоў партызан. Пасля вызвалення Беларусі на фронт пайшоў. Быў цяжка паранены. Узнагароджаны ордэнам Чырвонай Зоркі, медалём «За адвагу».

Памяць. Гіст.-дакум. хроніка Шчучынскага раёна. Мінск, 2001. С. 200.

Памятник на могиле семьи Майко — жителей д. Зиняки Щучинского района Гродненской области, расстрелянных и сожженных немецко-фашистскими захватчиками.

Monument on the grave of the family Maiko who were the residents of village Zinyaki of Shchuchin district, Grodno region, shot and burned by the Nazi invaders.

Из воспоминаний спасшегося жителя сожженной
деревни Зиняки Н. Журуна

Мне тады было ўсяго 12 гадоў, але дзіцячая памяць захавала жахлівыя карціны таго страшнага дня.

Трывожная раніца. Па вясковай вуліцы грымяць фурманкі. З хаты ў хату шныраюць немцы. Мы хоць малыя, але разумелі: штосьці не тое робіцца, чыталі немы адчай у вачах бацькоў. Дарослыя імкнуцца нас супакоіць, з нейкай натугай прымушаюць сябе заняцца звычайнымі сялянскімі справамі. Бацька пайшоў карову даіць. Маці печ распаліла, сняданак мелася гатаваць. І тут... грук у дзверы. У хату зайшлі солтыс і нямецкія афіцэры, спыталі гаспадара. Сказалі, каб запрагаў каня.

На пытанне маці, што будзе з намі, солтыс сказаў, што вёска акружана, будзе дрэнна.

Наша сям'я ўжо ніколі не сабралася разам. Пасля таго як бацька на фурманцы павёз фашыстаў, матуля пацалавала кожнага з нас і са слязьмі загадала разыходзіцца, хавацца. Мо хто застанецца ў жывых.

Сястра пабегла да дзяцкі ў в. Нарашы. Але, пэўна, натрапіла на засаду, бо потым сярод жывых яе не было. Я забіўся пад страху суседняй хаты. Чуў як зганялі людзей, як плакалі дзеці, лямантавалі жанчыны. Можна гадзіну сядзеў пад той страхой. Душу раздзіралі аўтаматныя чэргі, азвярэлыя выкрыкі фашыстаў. Потым усё заціхла, і я рызыкнуў вылезці са свайго сховішча. Вачыў, як гарэла наша вёска.

Недалёка гумно стаяла. Я туды залез, у лубін закапаўся. Потым у лес надумаў падацца. Ужо амаль дайшоў, як немцы мяне заўважылі і пачалі страляць. Уцякаў, сам не ведаю адкуль сілы браліся. Пэўна, Бог сцярог. Да лесу ўсё ж дабег. А туды фашысты не сунуліся, пабаяліся.

Бацька мой таксама застаўся жывы. Калі адвёз немцаў у в. Новы Двор, солтыс не адпусціў яго назад у Зинякі, сказаў, каб заставаўся тут, бо з вёскі вашай мала хто выжыве. Так яно і здарылася. Усе сваякі нашыя ў агні загінулі. Ды хіба адзін я такі? Тут у кожную хату зайдзі, і ва ўсіх знойдуцца родныя людзі, якія нявінна пацярпелі, страшную смерць у агні прынялі.

Увековечивание памяти погибших жертв войны

Сегодня о тех страшных событиях из истории Зиняков напоминает монумент, установленный в центре деревни. Уже в мирное время останки людей из четырех мест снесли в одно, и всех похоронили в братской могиле. На огромной гранитной плите — сотни фамилий. По официальной информации, здесь погибло 419 человек, в том числе 68 детей, а также 65 жителей соседних деревень, которые случайно оказались в ту ночь в Зиняках. Некоторые из них пришли к родственникам, так как ждали фашистской расправы над своими «вёсками».

В 1967 году на месте массового уничтожения жителями деревни был возведен обелиск. На гранитном постаменте надпись: «Здесь погребены 419 человек, жители деревни Зиняки, зверски замученные и расстрелянные 22 января 1944 года».

9 мая 1988 года в 12.30 в деревне Зиняки начался митинг-реквием, посвященный открытию мемориала замученным фашистами жителям этой непокорной партизанской деревеньки.

Ведущая объявляет: «Слушай, нас, товарищ Время, слушай, История и Современность! Нас, наследников, в чьих сердцах живет память о великих делах отцов и дедов, собрала многострадальная белорусская деревня Зиняки – сестра Хатыни».

Вот настал момент снятия покрывала. Эта честь была предоставлена первому секретарю райкома В.И.Козяку и председателю райисполкома В.И.Демьянкову.

Перед взглядом присутствующих постаёт величавый памятник – мать с гордо приподнятой головой. Ее взгляд как бы говорит: «Меня убила нечистая сила, но я не покорилась». У каждого сжимается сердце от боли и гнева так же сильно, как прижимает к своей груди эта мать своего ребенка.

Напротив – широкая цементная стена, на которой перечислены имена всех погибших.

В 2004 году мемориал отремонтировали. Установлены прожекторы, сделано световое оформление, по-новому на мемориальную доску прикреплены таблички с именами земляков. На одной из них надпись о человеке без имени – возраст 1 день...

Всего же в огне погибли 87 детей.

Из истории проведения торжественных мероприятий

Ежегодно, в день трагедии, 22 января в Зиньяках проводится митинг-реквием. Сюда съезжаются люди из далеких и близких уголков: представители местной власти, ветераны войны, военнослужащие, юные патриоты, представители СМИ, представители организаций, хозяйств и предприятий района.

Традиционно 9 мая общественность Остринского региона собирается у мемориального комплекса, чтобы не только почтить память погибших, но и отдать дань уважения тем людям, кто смог “восстановить деревню из пепла”, их наследникам, кто поддерживает жизнь в деревне.